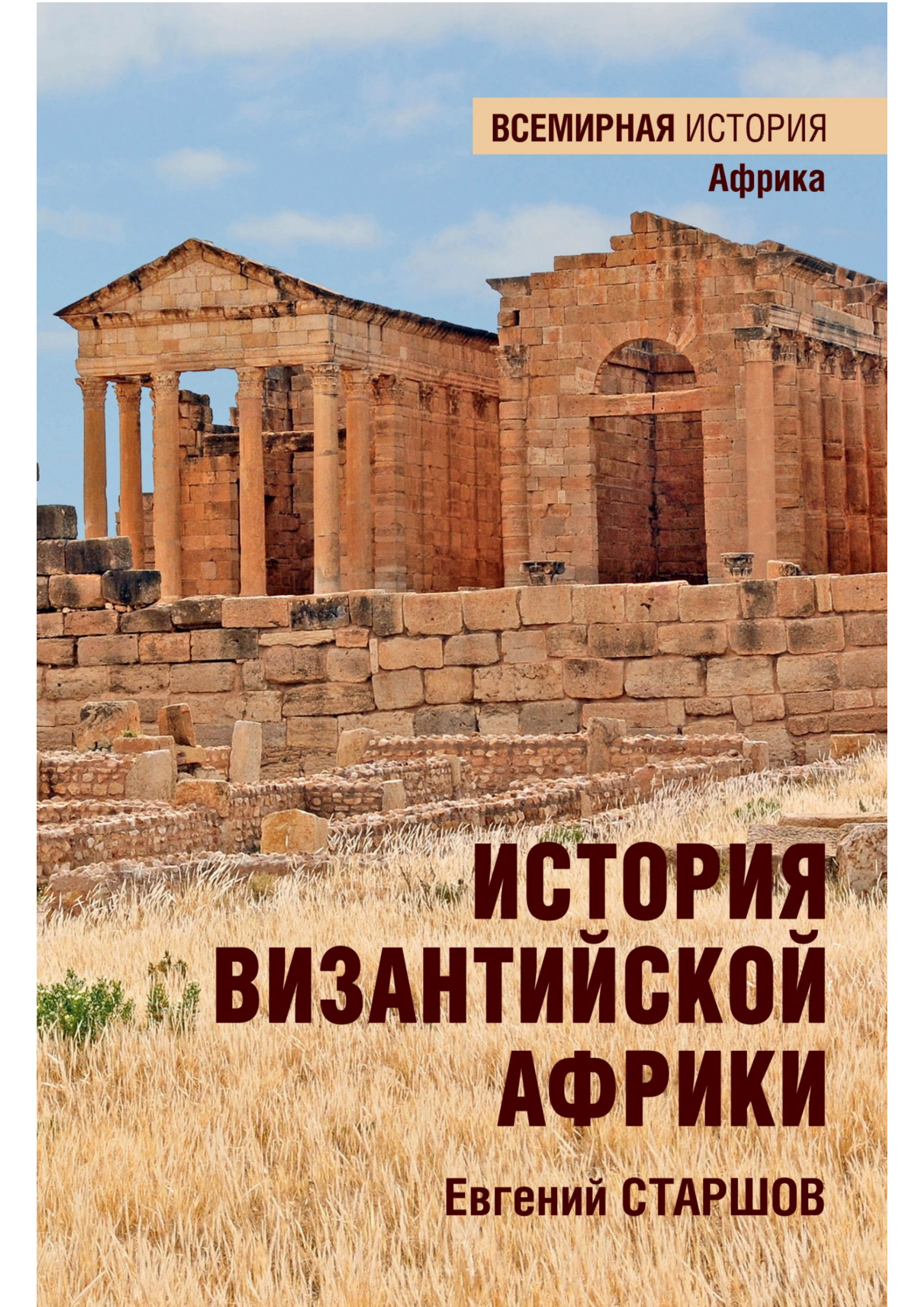

The background of the entire cover is a photograph of ancient ruins in North Africa. In the upper half, there are two prominent stone structures. The one on the left is a well-preserved temple with a triangular pediment and several standing columns. The one on the right is more ruined, showing an arched opening and crumbling masonry. In the foreground, there is a low, long wall made of large, rectangular stone blocks. Below this wall, the ground is covered with dry, yellowish grass and some scattered stone fragments. The sky is a clear, pale blue with a few wispy clouds.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Африка

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ АФРИКИ

Евгений СТАРШОВ

Всемирная история (Вече)

Евгений Старшов

**История Византийской Африки.
От войн Велизария до гибели
Африканского экзархата**

«ВЕЧЕ»

2026

УДК 94(495)
ББК 63.3(0)4

Старшов Е. В.

История Византийской Африки. От войн Велизария до гибели
Африканского экзархата / Е. В. Старшов — «ВЕЧЕ»,
2026 — (Всемирная история (Вече))

ISBN 978-5-4484-6086-9

Восточная Римская империя, Византия, в V—VI веках рассматривала Северную Африку как свои исконные владения, лишь временно от нее отторгнутые. В VI веке, в ходе Вандальской войны, империя завоевывает эти земли. В начале VIII века Северная Африка в результате мусульманских завоеваний переходит под власть арабов. Читатель узнает об этих драматических событиях, а также о том, что было между эпохами вандалов и арабов, об Африканском экзархате, давшем Византии императорскую династию Ираклия, которая не только фактически спасла империю, но и привела к ее распаду. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(495)

ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-4484-6086-9

© Старшов Е. В., 2026

© ВЕЧЕ, 2026

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	9
Глава 2	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Евгений Старшов
История Византийской Африки.
От войн Велизария до гибели
Африканского экзархата

*Посвящается светлой памяти моей мамы – Альбины Федоровны
Старшовой (1947–2017)*

Серия «Всемирная история»

© Старшов Е.В., 2026

© ООО «Издательство «Вече», 2026

Предисловие

Вниманию читателей предлагается тема, мало затронутая в русском византиноведении, за исключением войны Велизария против вандалов за обладание Северной Африкой. Как правило, лишь она одна вызывает определенный и относительно устойчивый интерес – в первую очередь, благодаря сохранившемуся блестящему историческому труду Прокопия Кесарийского (ок. 500 – после 565 г.) «Война с вандалами» и в общей канве беспрестанного интереса к противоречивой личности и не менее противоречивым деяниям императора Юстиниана I (482–565 гг., правил с 527 г.). Прокопий, как секретарь Велизария и деятельный участник его войн, оставил бесценные записи, повествующие и о блестящей кампании полководца против вандалов, и о затянувшейся войне византийцев против мятежных берберских племен, к которым также примкнули восставшие византийские воины под руководством выдающегося народного вождя Стоцзы. Герои этих событий – патрикий Соломон, племянник императора Герман и соратник Велизария Иоанн Троглита. О борьбе за установление византийского господства в Северной Африке существует еще один бесценный источник – эпическая поэма романо-африканского поэта Флавия Крескония Кориппа (ок. 510 – после 565 гг.) «Иоаннида, или о Ливийской войне», хорошо знакомая историкам старшего поколения, однако на русский язык доселе не переведенная (исключая 1 песнь); чтобы написать предлагаемый вниманию читателей труд, автору летом 2021 г. пришлось перевести ее с англоязычного издания. Несмотря на то что «Иоаннида» – это поэма, приводимые Кориппом (местным жителем и очевидцем) исторические свидетельства бесценны – это касается многих этнографических вопросов, связанных с берберскими племенами, их тактики, обычаев, верований; наконец, в описании некоторых событий Корипп дополняет Прокопия, иногда противоречит ему, порой сообщает просто уникальные сведения; поэтому, скажем коротко, без произведения Кориппа подобная книга была бы просто невозможна.

Аллегория Африки (римская мозаика)

История Византийской Африки началась с кровавого завоевания и им же и завершилась, когда ею овладели арабы. Рассказать не только об этих двух судьбоносных явлениях, исследовав их причины, но и о том, что было между эпохами вандалов и арабов, об Африканском экзархате, давшем Византии в кризисный момент ее истории императорскую династию Ираклия, которая фактически и спасла империю, и в то же время много сделала для ее дальнейшего распада, в котором Африка примет самое деятельное участие, – такой видится задача автора¹. Оговоримся еще раз: в России это самая первая попытка². Обзорно история Византийской Африки, конечно, излагается в общих трудах по истории Византии (например, у Ю.А. Кулаковского в «Истории Византии. 518–602 гг.», совсем бегло – в «Истории Византии» М.В. Левченко), примером изучения отдельных аспектов (но, опять же, времени Юстиниана) являются работы К.Ф. Штепы «Восстания Стоцы» (1940 г.), З.В. Удальцовой «Народные движения в Северной Африке при Юстиниане» (1952 г.) и «Политика Византии в Северной Африке при Юстиниане» (1953 г.), а также некоторые статьи ученых Белгородского университета, посвященные анализу «Иоанниды» Кориппа, – но, собственно, этими публикациями, включая перевод А.А. Чекаловой «Войны с вандалами», русская библиография данного вопроса и ограничивается³. Этого нельзя сказать, например, о Франции, где, учитывая некогда владение этой страной Тунисом и Алжиром, римско-византийское прошлое всегда оставалось пристальным объектом изучения, свидетельством чему являются такие фундаментальные работы Шарля Дилья, как «Византийская Африка. История византийского господства в Африке» (*L'Afrique byzantine. Histoire de la domination byzantine en Afrique (533–709)*, Paris, 1896) и «Отчет о двух археологических миссиях в Северную Африку (апрель – июнь 1892 и март – май 1893 гг.)» (*Rapport sur deux missions archeologiques dans l'Afrique du Nord (Avril-juin 1892 et mars-mai 1893)*, Paris, 1894) – которые, к сожалению, на русский язык доселе не переведены и которыми мы, в меру сил, конечно, воспользуемся. В приложениях помещены впервые переведенные на русский язык автором этой книги послания папы римского Григория Великого (ок. 540–604 гг., на кафедре с 590), адресованные светским властям Африканского экзархата (7 писем), и два из его многочисленных посланий африканским епископам, а также список африканских экзархов с годами их правления. В принципе, вот что хотелось сказать читателю, представляя первый в России за все века труд по истории Византийской Африки.

¹ Впрочем, полного ее осуществления ожидать, к сожалению, невозможно, коль скоро даже такой корифей «византиноведения», как Шарль Дилья, горестно восклицает в своем капитальном труде «Византийская Африка», что история последней после Юстиниана – одни сплошные лакуны. Увы! Арабское завоевание Северной Африки уничтожило непосредственный пласт документации Африканского византийского экзархата, а двойное взятие и разорение Константинополя – в 1204 и особенно в 1453 гг. – лишило нас и куда более ценных сокровищ исторической мысли и антично-византийской литературы!

² В частности, это указывается в одной из работ последнего времени – статье К.Н. и Н.Н. Болговых «Византийская Африка: исторический фон «Иоанниды» Кориппа» (2012 г.): «На русском языке [имеются] только очерк и статья» – и ссылки на названные далее нами в основном тексте труды З.В. Удальцовой о народных движениях и Ю.А. Кулаковского.

³ В отличие, например, от войны византийцев с готами и истории второго византийского экзархата – Равеннского, которому посвящены работы З.В. Удальцовой «Италия и Византия в VI веке» (1959 г.), О.Р. Бородин «Византийская Италия в VI–VIII веках» (1991 г.) и «Равеннский экзархат. Византийцы в Италии» (2001 г.), Е.В. Старшова «Равенна: забытая столица эпохи “Темных веков”» (2021 г.).

Глава 1

Предыстория: византийский лев готовится к прыжку

Восточная Римская империя, которую мы будем называть более привычным нам именем «Византия», в V–VI вв. рассматривала Северную Африку как свои «исконные» владения, лишь временно от нее отторгнутые, равно как Италию, Испанию и ряд областей на Востоке – в том числе по правопреемству от погибшей Западной Римской империи. Определенная логика в этом, разумеется, была. Римская, или Латинская, Африка, на владение которой претендовала Византия, появилась благодаря разгрому карфагенян римлянами в III Пунической войне: в 146 г. до н. э., со взятием и уничтожением Карфагена, бывшие африканские земли этого города-государства составили новую «заморскую» провинцию Римской республики, управляемую проконсулом. Изначально довольно небольшая по объему, с течением лет и веков Римская Африка «приросла» Нумидией, где квартировал III Африканский легион, и Мавританией⁴ (время от времени разделявшейся на две – Цезарейскую и Тингитскую, а потом вновь объединявшейся). Стремившийся к «разукрупнению» провинций Диоклетиан (244–311 гг., правил в 284–305 гг.) из 4 «старых» африканских провинций постепенно образовал 8 (из бывшей Проконсульской Африки после 295 г. получилось три новых провинции: Триполитания, Бизацена со столицей в Гадрумете (совр. Центральный и Южный Тунис) и урезанная Проконсульская провинция, иначе – Зевгитана со столицей в Карфагене (Северный Тунис и северо-восток Алжира). Нумидия после 295 г. была разделена на две части – Нумидию Циртинскую на севере и Нумидию Военную на юге (со столицей в Ламбезисе) – правда, в 313 г. Константин объединил обе Нумидии, и в его честь столица Цирта стала именоваться Константиной (Константинией). Восточная часть Цезарейской Мавритании в период до 288 г. образовала Мавританию Сетифенскую (со столицей в Сетифе), а Тингитанская Мавритания разделу не подверглась, зато была отнесена к диоцезу Испании). С разделением в 395 г. единой Римской империи на две части, Восточную (правил Аркадий в 377–408 гг.) и Западную (правил Гонорий в 384–423 гг.), Африка досталась последней, при этом африканские «хлебные потоки» были четко разграничены: Египет снабжал зерном Константинополь, а Латинская Африка – Рим. И вот уже с самого начала этого разделения Византия вознамерилась присоединить к себе Африку – по крайней мере, так полагали некоторые древние историки. Не секрет ведь, что правили не молодые сыновья Феодосия I, но всесильные временщики. При восточном дворе таким был перс евнух Евтропий (казнен в 399 г.), при западном – вандал полководец Стилихон (ок. 358 – казнен в 408 г.). Они интриговали друг против друга в пользу «своих» императоров, и события в Африке стали одним из элементов этой сложной многоходовой партии. Впрочем, комит Африки Гильдон пешкой себя в чужих руках отнюдь не считал. То было время, когда деятельные варвары занимали важнейшие посты в обеих частях бывшей единой Римской империи, и Гильдон не был исключением. По происхождению он был бербером царского рода и в свое время сыграл довольно важную роль в подавлении восстания своего брата Фирма против римлян (372–375 гг.). Выслужившись, он с течением времени стал комитом Африки и командующим всеми ее войсками; уже в правление Феодосия I (347–395 гг., правил с 379 г. как соправитель, с 394 г. – единолично) Гильдон осмеливался вести свою собственную политику, в той или иной степени поддерживая соперников Феодосия (Магна Максима он снабжал хлебом, а во время войны с Евгением отказал Феодосию в войсках и выплате годовой анноны⁵), однако

⁴ Мы сохраняем традиционное написание через «е», хотя в цитатах может встретиться и «Мавритания», и производные от нее: просто «Мавритания» относится к историческим античным царствам и римским землям, а «Мавритания» – наименование современного арабского государства в Африке.

⁵ Важность, придаваемая римлянами североафриканским хлебным поставкам, привела к появлению в их пантеоне особой

ему все сходило с рук (что довольно удивительно, зная поистине зверский характер Феодосия, унаследованный им от отца, утопившего Северную Африку в крови). В 397 г. Гильдон перекрыл поставки хлеба в Рим, вызвав голод⁶; историк Зосим (ок. 460 – ок. 520 гг.) в своей «Новой истории» четко сваливает вину за это на интриги Евтропия: «Не было никого в Константинополе, кто мог бы увидеть Евтропия в лицо: он считался только со Стилихоном, властвовавшим на Западе. Решив предотвратить приезд последнего в Константинополь, он убедил императора созвать заседание сената и объявить Стилихона общественным врагом императорским указом. Добившись этого, Евтропий незамедлительно приблизил к себе Гильдона, начальника всей Карфагенской Африки, и, отделив эту провинцию с его помощью от владений Гонория, присоединил ее к владениям Аркадия.

Стилихон был взбешен этим, но, еще до тех пор как он получил этот неожиданный удар судьбы, он потерял все. Гильдон имел брата по имени Маскелдел, но, злоумышляя против него как безумного варвара, принудил его отплыть в Италию и сдал Стилихону. чтобы брат не чинил помех. Стилихон же дал Маскелделу многочисленные силы, продовольствие и достаточное количество кораблей, а затем отправил его сражаться против Гильдона (мероприятия Стилихона были столь стремительны, что Евтропий просто не успел прийти на помощь союзнику; брат Гильдона отплыл из Пизы в ноябре 397 г., а весной 398 г. все уже было кончено. – *Е.С.*). Высадившись там, где, по слухам, находился его брат, Маскелдел внезапно напал на него. Так как Гильдон в скоротечной битве был совершенно разгромлен, он предпочел повеситься, чтобы не попасть в плен к врагу. Так, возвратив Африку в состав государства Гонория, брат Гильдона прибыл в Италию с триумфом. Стилихон позавидовал его успехам, еще рассчитывая обезвредить его, что придавало ему оптимизма. Однажды, когда Стилихон переходил мост на пути в один из пригородов вместе с Маскелделом в окружении своих телохранителей из гвардии, по заранее условленному сигналу брата Гильдона столкнули в реку. И пока Стилихон смеялся, несчастный был увлечен течением и утонул».

Так Византия в первый раз не смогла заполучить Африку, пусть даже и за счет своей «сестры» – Западной Римской империи.

«специальной» «хлебной» богини – Анноны, о чем красноречиво сказано в сборнике «Римская империя»: «Вера в богиню хлеба (Аннону) и культ ее, по-видимому, возникли только в первые годы империи – в то время, когда существование и спокойствие Вечного города зависело от правильного и достаточного подвоза зерна из заморских провинций. По общим понятиям, только божество могло заведовать скоплением огромных запасов зерна в Африке и Египте, безопасной доставкой их морем, сыпкою в римские магазины (т. е. зернохранилища) и таким образом из года в год снабжать хлебом сотни тысяч человек. «Святую Аннону» должны были часто призывать в горячих молитвах, особенно те, которые в Риме принимали участие в обширном хлебном хозяйстве и связанных с ним ремеслах или в провинциях кормились поставкою зерна».

⁶ Как это живописует поэт Клавдий Клавдиан в своей «Гильдоновой войне»: «Гибели уж убоясь, истомленная, Рома, лишена // Снеди, стремительного Олимпа предстала к порогу: // Облик ей чужд – не такой ей свично уставы британнам // Было твердить и кротить пред фасками трепетных индов: // Голос тих, и косны стопы, и запали глубоко // Очи у ней; ланиты потускли; сухая деснищу // Худость точит; едва изнуренное рамо выносит // Заскорбелый свой щит... Днесь о пище я только, // Рома, прошу. Пожалей свой народ, отец наилучший; // Глад прямой отврати... Я, удалясь на лоно рабское мира, // Ради толиких заслуг стяжала Нил и Ливию, // Чтобы владычный народ и сонм бранодушный сената // Флотом летним питать и чтоб очередно с двойного // Брега противным ветрам высокие житницы полнить. // Сим благоденственны мы: случалось, отказывал Мемфис, – // Жатвой гетульскою сбор возместить мне возможно фаросский; // Как плодоносны суда, в просторе я зрела, ристают, // Нильским как парусам соревнуют ветрила пунийски. // В час как, сверстная мне, явилася Рома, и тогу // Сходну, от нас отделясь, Аврора прияла, иному // Села египетски жребью причлись. Нам же надежда // В Ливии только теперь – сия ж едва нас ласкает, // Нотом водима одним, о грядущем отнюдь не беспечна, // Вечно бедна, ветров ей и жатвы нужна надежность: // Но и сию предпринял похитить Гильдон, на исходе // Осени. Мерим лазурь пугливым мы упованьем, // Челн не идет ли к нам, не исторг ли чего у владыки // Мощного, может быть, стыд, не оставил чего ль нам разбойник. // На усмотрении мавра наш корм...»

Византийская империя в IV-VI вв. Карта-схема

В конце 420-х гг. в Африке фактически началась междоусобная война, разгоревшаяся из-за взаимных интриг видных военных чинов при дворе западноримской императрицы Галлы Плацидии (ок. 388–450 гг., правила до 437 г. как регентша за своего сына Валентиниана III (419–455 гг., правил с 425 г.) – Феликса, Аэция и Бонифация⁷. Против последнего, являвшегося комитом Африки, была разыграна поистине дьявольская придворная интрига: Галле сообщили, что Бонифаций захотел стать самостоятельным владыкой Африки и потому не прибудет по вызову к ней в Равенну, а Бонифацию сообщили, что Галла хочет его казнить, для чего вызовет к себе. Естественно, он не поехал, и против него отрядили войска. Историки Прокопий Кесарийский и Иордан (VI в.) посчитали, что Бонифаций – от обиды и (или) желая защититься – призвал из Испании германских варваров-вандалов (в тот момент сильно теснимых вестготами), предоставив им для поселения две трети Ливии (а по Иордану, даже обеспечив им переправу). Якобы, когда интрига раскрылась и Бонифаций оправдался перед Галлой, он призвал вандалов вернуться туда, откуда они пришли, но те с обидой отказались и начали завоевание Римской Африки. Скорее всего, ближе к истине современник этих событий, святой Проспер Аквитанский, отметивший в своих «Анналах», что и Бонифаций, и его противники призывали на помощь вандальские дружины. Следовательно, здесь можно видеть «британский» вариант развития событий – тамошний король тоже пригласил к себе на службу дружины англов и саксов; те же, видя, что край благодатный, а жители не воинственны и пребывают в распрях, призвали своих соплеменников с континента и завоевали Британию. Соппротивление вандалам оказали лишь, по большей части, города, за что потом покоритель Римской Африки Гензерих (Гейзерих, Гезирих, ок. 389–477 гг., правил с 428 г.) лишил их укреплений (кроме Карфагена)⁸;

⁷ Потом Аэций убил Феликса (430 г.), Бонифаций разбил Аэция при Аримине (совр. Римини в Италии), но был смертельно ранен (432 г.), Аэций же победил Аттилу на Каталаунских полях (451 г.) и был собственноручно зарублен императором Валентинианом III (454 г.).

⁸ Прокопий пишет: «Впоследствии Гензерих задумал следующее. Он велел срыть стены всех городов Ливии, кроме Карфагена, с той целью, чтобы ни сами ливийцы, став на сторону римлян, не могли бы, обладая этими укреплениями как своим оплотом, поднять против него восстание, ни посланные базилевсом войска не могли надеяться, что они и городом завладеют и, поставив в нем свой гарнизон, будут досаждают вандалам. Тогда казалось, что это решение очень хорошее и что оно навсегда упрочило благополучие вандалов, но впоследствии, когда эти города, оказавшись неукрепленными, очень легко и безо всякого

в то же время сельская ливийская беднота, рабы и колоны, на первых порах – еще и берберы, а также признанные еретиками члены донатистской церкви не только не препятствовали завоевателям, но, напротив, оказывали им весьма действенную помощь против римских угнетателей. Как писал очевидец, Сальвиан Марсельский, автор знаменитого труда «О мироправлении Божьем», бедняки просят «под влиянием слишком больших тягот даже прихода врагов».

Донатистская церковь обладала собственным «боевым крылом» – циркумцеллионами, настолько активно-радикальным, что порой даже «открещивалась» от его деяний, хотя и пользовалась их плодами (как писал о них в одном из писем к Бонифацию Блаженный Августин Аврелий (354–430 гг.), епископ города Гиппона Регия (в совр. Алжире), во время осады которого вандалами он и умер: «Скопища совершенно потерявших разум беспутных людей по разным поводам нарушали покой ни в чем не повинных людей. Какой господин не был вынужден бояться своего раба, если он отдавался под покровительство этих людей? Кто осмеливался хотя бы угрожать нарушителю порядка? Кто мог вызвать на суд какого-нибудь расхитителя имущества или должника, если он обращался к этим людям за помощью и защитой? Из страха перед побоями, поджогами и даже самой насильственной смертью уничтожались [закладные?] таблички самых негодных рабов, с тем чтобы они могли уйти на свободу. Собственноручные расписки должников, с трудом с них полученные, возвращались им обратно. Кто пренебрегал суровыми их словами, того принуждали выполнять приказанное еще более чувствительными ударами бичей. Дома невинных людей, оказавших им сопротивление, равняли с землей или сжигали. Некоторые отцы семейств знатного рода и благородного воспитания или чуть живыми спасались от их побоища, или оказывались привязанными к ручным мельницам и должны были под ударами бича, подобно презренному скоту, вращать их по кругу. Какую помощь могли оказать против них какие-либо законы; разве имели какую-нибудь силу против них гражданские власти? Какое должностное лицо не терялось в их присутствии? Какой блюститель порядка проводил что-либо в жизнь, если это было им неуютно? Разве кто-нибудь пытался отомстить за тех, кто погиб от их побоищ?»⁹ Большую «помощь» вандалам оказала разветвленная сеть прекрасных римских дорог – продвижение от Мавритании через Нумидию до Проконсульской Африки со всеми боями и осадами заняло у них год.

Бонифаций со своими отрядами готов-федератов затворился в Гиппоне Регии и 14 месяцев доблестно оборонялся в ожидании подмоги, каковую ему предоставили и западные римляне, и византийцы, послав, как пишет Прокопий, «большое войско под предводительством Аспара». Аспар (убит в 471 г.) – очередной военный временщик во времена византийских императоров Феодосия II (401–450 гг., правил с 402 г. как соправитель отца, Аркадия, с 408 г. – единолично), Маркиана (392–457 гг., правил с 450 г.) и Льва I Макеллы (401–474 гг., правил с 457 г.), известный удачной военной экспедицией по взятию Равенны от узурпатора Иоанна в пользу Галлы Плацидии (425 г.). Прокопий пишет кратко: «Произошла жестокая битва, и римляне¹⁰, наголову разбитые врагами, бежали кто куда. Аспар отправился домой, а Бонифа-

боя были взяты Велизарием (такая форма имени в тексте перевода. – Е.С.), это вызвало немало насмешек в адрес Гензериха, и то, что казалось до тех пор мудрой предусмотрительностью, сочли неразумным поступком».

⁹ Схожую картину дает епископ Оптан Милевитанский: «Ибо, когда люди этого рода до объединения бродили по разным местам и когда Аксидо и Фазир самими этими безумцами были названы “вождями святых”, никто не мог быть в безопасности в своих владениях. Расписки должников теряли силу, ни один кредитор в то время не мог свободно взыскивать долг, все были устрешены письмами тех, которые восхваляли себя как “вождей святых”. Если медлили повиноваться их приказаниям, внезапно налетала безумная толпа, кредиторы со всех сторон были окружены страшной опасностью, и те люди, которые ранее из-за своих ссуд осаждались просьбами, теперь, робкие из-за страха смерти, были сами вынуждены прибегнуть к мольбам. Каждый спешил лишиться даже самых больших долгов, и прибыль считалась потерянной благодаря их беззакониям. Даже дороги не могли быть вполне безопасными: господа, выброшенные из своих повозок, подобно рабам, бежали перед своими рабами, сидящими теперь на месте господ».

¹⁰ Отметим сразу, что для Прокопия «римляне» – это и обитатели Западной империи, и византийцы. Ведь известно, что сами себя византийцы идентифицировали исключительно как римлян, «ромеев» – Ῥωμαῖοι, наследников славы Древнего Рима, его культуры и т. д., хотя Византия, а официально – Восточная Римская империя – была, по преимуществу, греческой

ций... к Платидии... Так вандалы отняли у римлян Ливию и завладели ею». В числе пленных оказался Маркиан – будущий базилевс, которого Гензерих якобы отпустил за обещание не поднимать оружия против вандалов, если ему доведется достигнуть высшей власти (легенда, приводимая Прокопием, скорее всего, малодостоверна, особенно если учесть всякие мистические моменты, благодаря которым Гензерих предугадал грядущее величие Маркиана – просто надо было постфактум, зная о его воцарении, объяснить, как он вернулся из вандальского плена и почему во время своего правления ничего против вандалов не предпринимал, хотя последнее оспаривается, вроде бы Маркиан собирался в поход против вандалов, но ему помешала смерть). Также поднимается вопрос о том, сразу ли Аспар покинул Африку, или все же пробыл там достаточно долго, чтобы продолжать какие-либо военные действия или даже подготовить заключение с вандалами мира – хотя заключение его св. Проспер Аквитанский явно приписывает другому человеку – Тригерию (435 г.).

Гензерих, можно сказать, с радостью пошел на мир, удовлетворившись беднейшими частями Римской Африки – Нумидией и Мавританией; римляне не поняли его стратегии – он прибирал Африку частями, периодически заключая с западноримским правительством мир, используя очередные завоевания всего лишь как плацдарм для следующих, а благотворные передышки – для усиления войска и обеспечения тылов. Прокопий пишет, что вандал «... заключил мирный договор с базилевсом Валентинианом на том условии, что каждый год будет посылать базилевсу дань с Ливии, а одного из своих сыновей, Гонориха, отдал в качестве заложника за выполнение договора. Таким образом, Гензерих на войне оказался хорошим военачальником, сохранил в неприкосновенности плоды своей победы, а когда дружба его с Валентинианом укрепились, сумел забрать от него и своего сына Гонориха».

(понятие «Византия» – более позднего, уже Нового времени; сами византийцы понятия не имели о том, что они византийцы и живут вдобавок еще в Византии); опять же говорим, в первую очередь, о языке, культуре и т. д., потому что обилие туземных племен в Малой Азии и иных областях Византии не поддается какому-либо насильственному этническому объединению. Объединяли вера, культура; с точки зрения тогдашнего византийца, крещеный исавр, араб или еврей вполне был полноправным византийцем, а вот грек-язычник, например – уже нет. Древняя Византия не знала национализма, и в этом было ее счастье.

Гейзерих. Художник Ю. Науэ

Считается, что вандалы осели на римско-африканских землях в качестве федератов, уплачивали поземельный налог и обязывались поставлять в Италию зерно и масло и защищать границы от берберов. В 439 г. Гензерих преподнес западным и восточным римлянам неожиданный и неприятный сюрприз. Как пишет Проспер: «Гейзерих, относительно дружеского расположения которого [ни у кого] не было никаких опасений... коварным образом [нарушив] мир [за 14 дней до ноябрьских календ] захватил Карфаген и все его сокровища; он, подвергнув жителей... различным истязаниями, обратил их под свою власть; не отказавшись от грабежа церквей, из которых была похищена даже священная посуда и которые были лишены управления священнослужителями, он проявил свирепость к плененным людям всех сословий, но особенно был враждебен к знати и священникам (вандалы были арианами – с точки зрения официальной церкви, еретиками, и порой устраивали на инаковерующих жестокие гонения, включавшие казни, пытки, ссылки и т. д. – *Е.С.*), так что нельзя было различить, воюет ли он больше с людьми или с Богом. Карфаген был завоеван на 585 году, после того как оказался [под властью] Рима»¹¹.

¹¹ Здесь и далее выдержки из «Анналов» Проспера даются в сетевом переводе Д. Суровенкова (2009 г.) с сайта «Восточная литература» – http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Prosper_Aqvit/text1.phtml?id=6887).

Очень важно то, что, захватив карфагенский зерновозный флот, Гензерих переоборудовал его в военный – и вот с его помощью годом позже вандалы вторглись на Сицилию, а потом начали грабить побережье Византии и острова. Западная Римская империя отправляет на войну с вандалами Себастиана – зятя Бонифация, однако Гензерих, судя по скудным отрывочным данным Проспера Аквитанского и Виктора Витенского, сумел его сначала подкупить, а потом – погубить. Вообще вандалский король был преизрядным и весьма успешным дипломатом, однако, поскольку описание этой его деятельности выходит за рамки нашего обзора (более детально об этом повествует наша работа по истории взаимоотношения Рима с Северной Африкой в эпоху Античности), мы остановимся лишь на одном ее эпизоде – когда он сумел посредством этой своей дипломатии расстроить большой поход, который в отместку за вероломное взятие Карфагена предприняла против него Византия в 441 г.

Проспер повествует: ««В консульство С[ветлейшего] М[ужа] Кира. (441). Император Феодосий начинает войну против вандалов, направив с большим флотом дуксов Ареобинда, Ансилу и Германа (Ю.А. Кулаковский добавляет к ним Индомунда и исчисляет флот в 1200 кораблей. – *Е.С.*). [Однако] те, долгое время [пребывая] в нерешительности [и] отложив поход, стали скорее обузой для Сицилии, нежели защитой для Африки. В консульство С[ветлейшего] М[ужа] Диоскора [и Евдоксия]. (442). Когда гунны свирепым грабежом стали опустошать Фракию и Иллирик, возвращается обратно для защиты восточных областей войско, которое находилось на Сицилии. Августом Валентинианом был утвержден мир с Гейзерихом, а Африка между ними разделена по точным границам».

Как видит читатель, война римлян с Аттилой разгорелась весьма вовремя для Гензериха; посему историк Иордан (VI в.) и полагает, что страшный гунн вообще мог быть зависимым в своих действиях от вандалского короля: «Поняв, что помыслы Аттилы обращены на разорение мира, Гензерих, король вандалов... всяческими дарами толкает его на войну с везеготами, опасаясь, как бы Теодорид, король везеготов, не отомстил за оскорбление своей дочери; ее отдали в замужество Гунериху, сыну Гензериха, и вначале она была довольна таким браком, но впоследствии, так как он отличался жестокостью даже со своими детьми, она была отослана обратно в Галлию к отцу своему с отрезанным носом и отсеченными ушами только по подозрению в приготовлении яда [для мужа]¹²; лишенная естественной красоты, несчастная представляла собой ужасное зрелище, и подобная жестокость, которая могла растрогать даже посторонних, тем сильнее вызвала к отцу о мщении. Тогда Аттила, порождая войны, давно начатые подкупом Гензериха, отправил послов в Италию к императору Валентиниану, сея таким образом раздор между готами и римлянами, чтобы хоть из внутренней вражды вызвать то, чего не мог он добиться сражением».

Итак, византийцы отошли защищать свои владения, а война с Аттилой заставила римлян примириться с Гензерихом на весьма выгодных для него условиях: вандалы и аланы перестали считаться федератами, став политически независимыми; римские владения в Африке были в очередной раз поделены с вандалами (по сведениям Виктора Витенского, к вандалам отошли Проконсульская Африка, Бизацена, Абаритана, Гетулия и часть Нумидии, а римлянам – остатки, изрезанные, кроме того, вандалскими владениями – Мавритания, Циртенская Нумидия и Триполитания), и в очередной же раз совершенно ненадолго: как только император Валентиниан в 455 г. был убит, Гензерих молниеносно прибрал все оставшиеся римские африканские земли, но лишь только он приступил к обустройству административной жизни в новых владениях, как внезапно перед ним открылась еще более потрясающая перспектива.

¹² Есть мнение, что это случилось, когда за сына Гензериха якобы была просватана одна из дочерей Валентиниана III. Вопрос темный, налицо лишь факт, что Гензерих женил сына на пленной императорской дочери, когда захватил вдову и дочерей Валентиниана в Риме, о чем чуть позже в основном тексте.

Право, никто более не мог бы похвастать тем, что захватил оба величайших города Античности – Карфаген и Рим. Гензериху это удалось!

Прокопий передает рассказ (опять же, скорее всего, легендарный), как вандалов призвала в Рим в отместку за убийство своего мужа Валентиниана императрица Евдоксия, на которой тут же женился его преемник и возможный организатор убийства, Максим. Так это или нет, точно не скажешь, интересен следующий отмеченный Прокопием момент: «Она считала, что из Византии ей нечего ждать помощи и отмщения, поскольку Феодосий уже окончил дни своей жизни и царство перенял Маркиан». Впрочем, Прокопий приводит и вполне более реальную причину появления Гензериха у Рима: «Гензерих, не по какой-либо иной причине, но только потому, что надеялся получить большие богатства, с сильным флотом отплыл в Италию. Не встретив ни от кого сопротивления, он вступил в Рим».

Дальнейшее прекрасно известно: папа Лев (по свидетельству Проспера Аквитанского) вроде бы сумел отговорить варвара от поджогов и убийств, и дело «ограничилось» разграблением и пленением императорской семьи, а также многих римлян, включая мастеровых. Императорская дочь Евдокия была выдана замуж за сына Гензериха, Гунериха (Гонориха; впоследствии ей удастся сбежать в Иерусалим, но она все же станет матерью предпоследнего вандальского короля Хильдерика). Единственное, чего удалось достичь Византии, – это вытребовать к себе вдову Валентиниана и другую ее дочь, и случилось это уже при новом императоре, Льве I, очередном ставленнике Аспара.

Здесь надо ненадолго остановить изложение нашей истории и прояснить особенности психологии этого всемогущего «делателя базилевсов». Почему он, обладая фактически верховной властью в Византии, доставшейся ему от отца Ардавура, который был византийским главнокомандующим (*magister militum*) и консулом, сам не сел на престол, тем паче что уже имел сильнейшую опору в своих сыновьях, занявших высочайшие должности консула (Ардавур-младший, в 447 г.) и (уже накануне гибели семейства) цезаря (Юлий Патрикий, в 470–471 гг.)? Ведь говорить о какой-то наследственности власти в ту пору было бы просто смешно, равно как и о национальном происхождении того или иного императора: властителями Рима становились испанцы, галлы, африканцы, выходцы с Востока... Дело было, как мы считаем, в вероисповедании, а вовсе не в «скромности». Аспар, как гот или алан, был арианином, то есть, с точки зрения большей части населения Византии (да и Западной Римской империи) – еретиком.

Его пример отнюдь не единичен. Варварские вожди осознавали, что ли, что их вероисповедание как-то не подходит для христианской империи, неважно – Восточной или Западной, и поэтому предпочитали сажать на трон «марионеток», послушно исполнявших их волю, но при этом бывших для своих многочисленных подданных единоверными, называйте их хоть католиками, хоть православными, если угодно¹³. В принципе, довольно мудро на определенном этапе. Именно поэтому Аспар так и не дерзнул сам сесть на константинопольский престол, хоть обладал практически всей полнотой власти, а посадил на него свою креатуру – комита Льва I, и, совершенно очевидно, на Западе так же подошел к делу Рицимер (405–472 гг.), арианин и потомок свевского и вестготского королевских родов, менявший на западноримском престоле своих «ручных» императоров одного за другим, физически устраняя неудобных. Вот так на византийский престол воссел Лев, по легенде – бывший мясник, что увековечилось в его про-

¹³ В работах, посвященных истории Равенны и античной Северной Африки, мы уже отмечали, что доселе так и не выработан единый термин, для того чтобы охарактеризовать им единую христианскую церковь до раскола 1054 г. – церковь Галлы Плагидии и Юстиниана, Блаженного Августина и Великих Каппадокийцев. Православные зовут ее православной, католики – католической, и те и другие и правы, и неправы одновременно. Она была единая, Вселенская («кафолическая» – именно так, через «ф», аналогичное западному *th* в слове *Catholic*), а называя ее католической или православной, на нее волей-неволей переносят постраскольные реалии и претензии на то, что именно теперешняя православная или католическая церкви, пребывающие в расколе, являются прямыми и единственно истинными наследниками той самой, древней церкви.

звище Макелла (μακέλλα) – впрочем, более вероятно, что он получил его позже за свой нрав. Ибо этот Лев оказался вовсе не ручным – только «укротитель» слишком поздно это понял. Забегая чуть вперед, чтоб не возвращаться к этой теме, отметим: обращение Юлия Патрикия – сына Аспара – в господствующее вероисповедание для помолвки с дочерью базилевса Льва Ариадной и объявление цезарем – то есть младшим императором – явно свидетельствовало, что род Аспара «дозрел» до захвата высшей власти, и Льву не оставалось ничего иного, как прибегнуть к решительным действиям и истребить варварское семейство. Пока же он очутился на троне, имея «в пассиве» сильную опеку со стороны Аспара, позорное разграбление Рима Гензерихом (а это не могло не ударить по чести «ромеев») и постоянные его же набеги на византийские владения.

Но что же Гензерих? Самое время вернуться к вандальскому королю. Из его обширной деятельности (как законодателя, реформатора войска, политика) отметим лишь то, что так или иначе касается Византии. Прокопий повествует: «Тогда же, после смерти Валентиниана, Гензерих покорил себе маврусиев¹⁴ (отметим этот важный факт – впервые вандалы стали воевать с прежде союзными им берберами, и эта проблема останется не только для всей последующей вандальской истории, но и для Византийской, и Арабской Африки) и каждый год с наступлением весны совершал вторжения в Сицилию и Италию и там одни города поработил, другие разрушил до основания и разграбил все; когда же страна оказалась лишенной и людей, и ценностей, он стал совершать набеги на области Восточного царства. Он подверг разграблению Иллирию, большую часть Пелопоннеса и остальной Греции, а также прилегающие к ней острова. Затем он вновь возвращался в Сицилию и Италию, разорял и грабил одну область за другой. Говорят, что как-то, когда Гензерих сел уже на корабль в карфагенской гавани и паруса были подняты, кормчий спросил его, против какого народа он велит плыть? Тот в ответ сказал, что, разумеется, против тех, на кого прогневался Бог. Так безо всякого основания он напал на кого придется».

¹⁴ Здесь следует немного оговориться насчет терминов, обозначающих североафриканские племена. В весьма обширной научной литературе есть разные точки зрения на то, как именно точнее следует их называть в тот или иной исторический период; с другой стороны, мнения одних ученых не берутся в расчет другими. Кто-то предпочитает термин «маврусии», полагая, что слово «мавры» следует употреблять уже только по отношению к мусульманской эпохе; еще можно употреблять «мавританцы»; то же касается слова «берберы» – одни полагают, что его можно употреблять по отношению к коренным североафриканцам начиная с Античности (что это те же самые «варвары»), кто-то – что это слово противопоставляет коренных жителей региона пришлым арабам и потому не может быть употребляемо относительно более ранних эпох; в «ливийцах» одни видят кочевников, другие, напротив, – смешанное население, состоящее из коренных народов, римлян и пунийцев, то есть оседлых обитателей, в противовес кочевникам. В итоге мы остановились, наверное, на самом лучшем варианте – никого никому не противопоставлять и употреблять все формы, иногда давая необходимые пояснения, тем более что «чужие» цитаты все равно править и унифицировать не принято.

Знатный вандал на коне. Африканская мозаика. Британский музей, Лондон, Великобритания. Ок. 500 г.

Западная империя еще пыталась воевать с Гензерихом, но неудачно: император Авит (395–457 гг., правил в 455–456 гг.) в ответ на разорение вандалами Капуи повел наступление на Сицилии, где варвары были разбиты под Агригентом (Акрагантом), а их флот потерпел поражение у Корсики, но его благие начинания прервало его свержение. Свергший его Майориан (ок. 420–461 гг., правил с 457 г.) разбил вандалов, когда те грабили Кампанию, причем погиб близкий родственник Гензериха. Решив приступить к активным действиям, император, согласно рассказу Прокопия, даже лично отправился на разведку в Карфаген к Гензериху якобы послом, для чего перекрасил свои знаменитые золотистые волосы в черный цвет. По плану Майориана, пешее войско должно было переправиться в Африку из Испании, а флот – ударить с Сицилии, и кроме того, с ним вступили в союз испанские вестготы, однако смерть (неизвестно, естественная или нет) помешала его плану.

А Византия настороженно молчала – пока на западном престоле не оказался ее ставленник Антемий (Анфимий, 420–472 гг., правил с 467 г.). Наверное, именно этим фактом стоит объяснить то, что две Римские империи, Восточная и Западная, наконец-то согласованно выступили против вандалов; Прокопий объясняет это тем, что Лев решил отомстить вандалам за чинимые ими разорения и за преследование христиан господствующего вероисповедания; все это так, но что ж Лев так долго выжидал, до 468 г.? Полагаем, теперь Лев считал, что и Западная империя (посредством «ручного» императора) находится у него «под крылом», поэтому и решился на активные действия; по крайней мере, в приготовлениях он не скупился: «Желая... отомстить вандалам, базилевс Лев снарядил против них войско. Говорят, что численность этого войска доходила до ста тысяч человек. Собрав флот со всей восточной части моря, он проявил большую щедрость по отношению к солдатам и морякам, боясь, как бы излишняя бережливость не помешала задуманному им плану наказать варваров. Поэтому, говорят, он истратил тысячу триста кентинариев». Не поскупился и Анфимий. Также от лица

Запада выступил мятежный комит Марцеллин, друг Аэция, который после его убийства восстал против центральной власти и сидел царьком в Далмации – его Лев привлек к делу, поручив очистить от варваров Сардинию, что он без труда и сделал и начал развивать успех на Сицилии. Одновременно с тем византийская армия под командой Ираклия высадилась в Триполи и с успешными боями продвигалась к Карфагену. Флот в 1113 судов повел шурин Льва Василиск.

Катастрофа, в которой оказался повинен Василиск, потрясла умы современников, да и потомков она, честно говоря, тоже постоянно заставляет задумываться. Теорий много – Прокопий вот полагает, что это всесильный арианин Аспар, возведший Льва на престол, наказал Василиску не побеждать арианина Гензериха – и как единоверца, и чтобы Лев благодаря этой победе не очень усилился; тот же автор считает, что сам Василиск, желая занять престол, допустил такое поражение, чтобы ослабить Льва и затем, свергнув его, самому сесть на престол (тоже вероятно, тем более что после смерти Льва Василиск сумел на некоторое время свергнуть Зенона (ок. 435–491 гг., правил с 474 г.), однако на престоле удержался всего на год и восемь месяцев, ненавистный войску за африканское поражение и крайнюю скупость). Есть еще версия, «любимая» в отношении всех проигравших полководцев – подкуп. Если допустить, что Василиску были свойственны не только глупость, но и алчность, это возможно, хотя, если он метил в императоры (и при условии, что не хотел использовать для этого собственное поражение), все же маловероятно. О подкупе его упоминает Приск, а византийская «Суда» конкретно пишет, что он получил от Гензериха 2000 либр золота и иные сокровища. Закончим «расследование» тем, что допустим и самое простое и, быть может, самое естественное: что Василиск не лелеял никаких чисто «византийских» планов, а просто по глупости своей и надменности был элементарно обманут, а затем разбит Гензерихом. А как – читаем у Прокопия: «Василиск со всем своим войском пристал к городку, отстоящему от Карфагена не менее чем на двести восемьдесят стадиев. Здесь издревле находился храм Гермеса, почему это место и называлось Меркурий¹⁵, ибо так римляне называли Гермеса. Если бы Василиск умышленно не замедлил своего движения, попытался бы прямо идти на Карфаген, то он сразу же взял бы его и покорил бы вандалов, причем они и не подумали бы оказать ему какое-либо сопротивление: до такой степени Гензериха охватил страх перед Львом как непобедимым базилевсом (чисто византийская субъективная точка зрения Прокопия. – Е.С.), когда ему сообщили, что Сардиния и Триполи захвачены, и когда он увидел флот Василиска, какого, говорят, у римлян никогда раньше не было. Однако медлительность военачальника, возникшая либо от трусости, либо от измены, помешала успеху. Воспользовавшись оплошностью Василиска, Гензерих сделал следующее: как можно лучше вооружив своих подданных, он посадил их на суда, а кроме того, держал наготове другие – без людей, но очень быстроходные. В то же время, отправив к Василиску послов, он просил его отложить начало военных действий на пять дней, чтобы за это время, посоветовавшись с вандалами, сделать то, что особенно желательно для базилевса. Говорят, что тайно от войска Василиска он послал ему большую сумму денег, чтобы купить перемирие. Все это он предпринял в расчете на то, что за это время поднимется благоприятный для него ветер, как и оказалось на самом деле. Василиск же, то ли исполняя обещанное Аспару, то ли используя благоприятный случай для приобретения денег, то ли потому, что так показалось ему лучше, выполнил просьбу Гензериха и сидел спокойно в своем лагере, выжидая попутного ветра для врагов. И, как только для вандалов подул попутный ветер, в ожидании которого они все время пребывали, они, подняв паруса и взяв на буксир суда без людей, которые, как я ска- зал раньше, были у них подготовлены, поплыли на врагов. Оказавшись вблизи них, они подо- жгли суда, которые они вели с собой, и, когда ветер надул их паруса, пустили их на римский флот. Так как там было огромное количество кораблей, то эти горящие суда, куда бы они ни

¹⁵ Это известный мыс Гермеса, на котором высаживались в начале своих «африканских экспедиций» сицилиец Агафокл, римляне Регул и Сципион; ныне – Кап-Бон в Тунисе.

попадали, легко все зажигали, быстро погибая вместе с теми, с которыми приходили в соприкосновение. Поскольку огонь распространялся все дальше и дальше, то, естественно, смятение охватило весь римский флот; крики смешивались с шумом ветра и треском пламени; солдаты вместе с моряками, подбадривая друг друга, в беспорядке отталкивали шестами охваченные пламенем суда врагов и свои собственные, погибавшие друг от друга. Тут и появились вандалы, тараня и топя корабли и захватывая убежавших солдат и их оружие. В этом ужасном бою проявили мужество и римляне, особенно Иоанн, помощник Василиска по командованию, совершенно не причастный к измене. Когда его корабль был окружен большой группой неприятелей, он, стоя на палубе, обращаясь то в ту, то в другую сторону, погубил большое число врагов; но, увидев, что его корабль уже захвачен, прыгнул с палубы в море во всем своем вооружении. Хотя Гензон, сын Гензериха, умолял его пощадить себя, давая ему всякие клятвы и обещая неприкосновенность, он, тем не менее, бросился в море, крикнув только, что никогда Иоанн не будет в руках собак¹⁶. Так окончилась эта война; Ираклий вернулся домой, Марцеллиан же был коварно убит одним из своих сотоварищей. Прибыв в Византий, Василиск укрылся с мольбами в храме великого бога Христа (византийцы называют этот храм Софией), считая, что это наименование более всего подходит для Бога. Благодаря просьбам базилиссы Верины (своей сестры, жены Льва. – *Е.С.*) он избежал опасности, но уже был не в состоянии достигнуть престола, ради чего он все это и сделал. Дело в том, что базилевс Лев незадолго до этого убил во дворце Аспара и Ардавура, так как у него было подозрение, что они замышляют против него, собираясь его умертвить. Так шли тогда дела».

¹⁶ Параллельный рассказ содержится в «Хронографии» Иоанна Малалы, но он называет византийского героя Дамоником из Антиохии, исправлявшим вакантную тогда должность *magister militum*.

Император Василиск. Изображение на золотом солиде

Излишне говорить, что Гензерих тут же прибрал назад Сардинию и Сицилию и продолжил нападения на Византию. Подробности одного из них приведены Прокопием – правда, неясно, каким временем его датировать. Известный византинист Ю.А. Кулаковский относит его к закату жизни Гензериха, конкретно – к 477 году; однако это противоречит сообщению Прокопия о том, что Гензерих соблюдал мир, заключенный с базилевсом Зеноном, о котором мы расскажем ниже, а также, очевидно, рассказу Малха, в котором Зенон укоряет Гензериха за учиненное им разорение, а тот как бы оправдывается (см. тоже ниже); поэтому приведем этот рассказ здесь: «Напав как-то на городки Пелопоннеса, Гензерих попытался захватить Тенар, но скоро был отбит, многих потеряв из своего войска, и отступил оттуда в полном беспорядке. Еще охваченный гневом, он пристал к Закинфу, убил многих из тех, кто попался ему навстречу, захватил в плен пятьсот видных лиц и вскоре отплыл. Когда он оказался на середине так называемого Адриатического моря, он безо всякого сожаления велел изрубить тела этих пятисот на мелкие куски и разбросать по морю».

Летом 474 г. базилевс Зенон счел за благо заключить с вандалами «вечный мир», по которому признал все их завоевания, они же соглашались более не нападать на Византию, предоставить своим подданным свободу вероисповедания и выдать пленных – с чем, правда, бывали проблемы, когда вандальский король заявлял, что не может повлиять на судьбу тех, которые являются не его рабами, а рабами его воинов (вопрос решили только деньги), да и со

свободой вероисповедания тоже вскоре пошли неурядицы; более того, годом позже вандалы пошли на союз с умиравшей Западной империей, в принципе, нацеленный против империи Восточной.

Некоторые подробности заключения этого мира сообщает историк Малх Филадельфиец¹⁷: «Зенон был человек, вовсе не способный к войне. При возникающих отовсюду беспокойствах он решился отправить посольство к вандальскому государю в Карфаген и назначил посланником одного из сенаторов, Севира (Севера), человека, отличавшегося благоразумием и справедливостью. Он возвел его в патрикийское звание, дабы тем придать посольству больше важности. Севир отправился морем, а вандал, узнав, что едет к нему посольство, предупредил его, выступил в море и занял Никополь. Севир, переехав из Сицилии в Карфаген, сильно упрекал вандальского государя за его предприятие против Никополя. Вандал говорил, что он это сделал как неприятель, но теперь, по прибытии к нему посланника, он принимает мирные предложения Зенона. Между тем, уважая степенные свойства Севира, полюбив его речи, удостоверившись все более в справедливости, вандал охотно исполнял все, что ни предложит Севир. Вандал считал его добродетельным особенно за то, что он отказался от поднесенных ему денег и подарков, которые следовали ему по званию посланника, и объявил, что самый приличный для посланника дар – освобождение военнопленных. Вандал похвалил его правило и сказал ему: «Я отпускаю тебе всех пленников, доставшихся мне и моим детям; что касается до тех, которые достались на долю войску, ты можешь, если тебе угодно, купить их у тех владельцев, которые захотят продать их тебе, а я не могу приневолить владельцев к такой продаже». Таким образом Севир освободил без выкупа тех римлян, которые принадлежали государю вандалов, а прочих пленников, насколько был в силах, выкупил на бывшие у него деньги и на сумму, вырученную от продажи с публичного торга всех его вещей и платья». Как отмечает Прокопий, мир этот соблюдался до Юстиниана, и действительно, все последующие вандальские войны были сугубо внутренними – против берберов, ставших в чаянии богатств и лучших земель столь же рьяными противниками вандалов, сколь прежде – римлян, а до них – карфагенян.

С преемником Гензериха, Гунерихом (Хунерихом, Гонорихом; 420–484 гг., правил с 477 г.), Зенон поначалу продолжал дипломатические отношения, согласно Малху: «В том же (478. – *Е.С.*) году приехали в Византию посланники из Карфагена. Их вел Александр, попечитель Олибриевой супруги (Плацидии, сестры жены вандальского короля. – *Е.С.*), некогда посланный Зеноном с согласия самой Плацидии. Посланники уверяли царя, что Гунерих делался искренним его другом и был предан римлянам; что он отказывается от всех притязаний на доходы жены своей (Евдокия, как мы упоминали ранее, бежала от мужа в Иерусалим. – *Е.С.*) и на прочие деньги, отнятые прежде Львом, равно и от того, что в начале войны было отнято у карфагенских купцов; что он забывает все, за что отец его имел какую-нибудь причину жаловаться на римлян; желая иметь с ними мир твердый и уничтожить всякое их подозрение, он намерен искренно утвердить договор и то, что было уже постановлено; что он благодарен царю за уважение его к жене Олибрия и что, зная это, он готов исполнить все, что царю угодно. За этими словами вандалы скрывали свое бессилие. Они боялись и тени войны, ибо по смерти Гензериха они совершенно предались неге и более не оказывали прежней силы и мужества в боях, не имели и тех приготовлений, которые на всякий случай имел Гензерих, скорее приводивший в движение всякое предприятие, чем другие успеют о нем помыслить. Зенон принял посланников благосклонно, оказал им приличные почести и, одарив их щедро, отпустил. Александру дал звание комита приватов».

¹⁷ Поскольку перевод интересующих нас фрагментов труда Малха был опубликован еще в 1860 г., нами предпринята некоторая правка, касающаяся унификации имен и орфографии.

Император Зенон. Изображение на золотом солиде

Но вскоре отношения испортились: король вандалов начал жестокое преследование христиан господствующего вероисповедания, о чем свидетельствуют Прокопий («Гонорих был самым жестоким и несправедливым гонителем христиан Ливии. Он принуждал их принимать арианскую веру, если же обнаруживались не желающие подчиняться ему по доброй воле, тех он сжигал живыми или предавал смерти разными другими способами; многим он велел отрезать язык до самой гортани, они еще в мое время жили в Византии») и Виктор Витенский («В Карфагене... и сегодня... всякий может видеть одних без рук, других без глаз, третьих без ног; у одних вырваны ноздри и обрезаны уши, у других от слишком долгого висения на кольях голова, прежде гордо поднятая, была вдавлена в плечи, когда палачи, рванув за веревки изо всей силы, вздергивали их ввысь над домами и раскачивали туда-сюда подвешенного. Иной раз рвались веревки и кое-кто падал с этой высоты вниз со страшным ударом, иные, переломав себе все кости, долго не могли прийти в себя, многие вскоре испускали дух»). Зенон подлил масла в огонь, в самом начале 480-х гг. потребовав от Гунериха замещения в Карфагене вакантных епископских должностей, разумеется, иерархами господствовавшей церкви. Король в ответ выдвинул совершенно неприемлемое требование, чтобы в самой Византии арианам были предоставлены равные церковные права, обещая в противном случае выслать всех неаррианских епископов «к маврам», что он и сделал, когда его требование было проигнорировано (всего 4970 человек, 482 г.).

Преемник Гунериха, его племянник Гунтамунд (Гундамунд; 450–496 гг., правил с 484 г.), смягчил гонения за веру в своем королевстве, но при этом сурово пресекал все возможные контакты церковников и знатных людей с Византией, приравнивая такие контакты к предательству (правда, монофизитский раскол Византии с Римом сам по себе ограничил такие контакты оставшихся «правоверными» романо-африканцев) – возможно, под этот «каток» попал и знаменитый карфагенский поэт Драконций, написавший панегирик Зенону¹⁸ и получивший за это многолетний застенек и пытки, от которых его избавила только смерть Гунтамунда. Наследник последнего, его брат Тразамунд (Трасамунд; 450–523 гг., правил с 496 г.), вел еще более мягкую религиозную политику и, как отмечает Прокопий, «с базилевсом Анастасием (ок. 430–518 гг., правил с 491 г. – *Е.С.*) он был в большой дружбе»¹⁹. Роковую роль в падении вандалского королевства сыграл второй брак короля (500 г.) – с Амалафридой, овдовевшей сестрой остготского короля Италии Теодориха²⁰; вернее, не сам брак, а то, как преемник Тразамунда Хильдерик (Ильдерик, 460–533 гг., правил с 523 по 530 гг.), сын Гунериха и Евдокии и, таким образом, внук Валентиниана III и праправнук Феодосия I) расправился с вдовствующей королевой и ее шеститысячной воинской свитой – тем самым вандалы оттолкнули от себя единственного потенциального союзника – остготов; Теодорих даже готовил против вандалов большую карательную экспедицию, но умер в разгар строительства флота в 1000 дромонах византийского образца (526 г.).

Вообще Прокопий весьма благостно характеризует этого короля, что понятно по двум очевидным причинам – ему надо было обелить Хильдерика, как жертву тирании Гелимера, которому отомстил Юстиниан уничтожением Вандалского королевства, да и, вдобавок, Хильдерик был потомком римских императоров, что тоже, надо полагать, играло свою роль в придворной историографии. Византиец пишет: «Он был очень доступен для своих подданных и в общем кроток, не притеснял ни христиан, ни кого-либо другого, в военном отношении был слаб и даже не хотел, чтобы до его слуха доходили разговоры о войне... Ильдерих был ближайшим другом и гостем Юстиниана (483–565 гг., правил с 527 г. – *Е.С.*), который, еще не будучи базилевсом, правил государством по своему усмотрению, так как его дядя Юстин (ок. 460–527 гг., правил с 518 г.) был очень стар и не очень опытен в государственных делах. Юстиниан и Ильдерих обменивались ценными дарами».

Итак, посмотрим, какие факторы подготовили низвержение Хильдерика. Король – друг Византии; совершенно неудивительно, коль скоро сей старец провел в Константинополе 4 десятка лет; он возвратил из ссылки епископов господствующей церкви, заместил вакантные епископские кафедры неарианами, созвал церковный собор 525 г. и вообще прослыл «филокатоликом»; наконец, крупное военное поражение, понесенное от берберов Анталы войсками вандалов, которыми предводительствовал Хильдимер, павший в битве²¹. Как пишет

¹⁸ «Адресатом» злосчастного панегирика большая часть литературоведов и историков (М.Л. Гаспаров, В.С. Дуров, Ш.-А. Жюльен, Г.-И. Диснер) считают именно Зенона, с чем не согласен В.Н. Ярхо, полагая, что тогда Драконций не отделался бы заключением; скорее, адресатом был Теодорих Остготский – тоже, впрочем, враг Гунтамунда.

¹⁹ Изображение этого базилевса с надписью «государь наш Анастасий, отец отчизны Август» появляется на монетах Тразамунда; почему-то на это мало обращают внимания, хотя когда следующий вандалский король, «грекофил» Хильдерик, начнет чеканить монеты с изображением Юстина, исследователи будут настаивать, что это – признак политической зависимости от Византии; если так, почему в том же отказывают Тразамунду? Значит, одно из двух – либо уже при нем вандалское королевство стало «вассалом» Византии, либо можно предположить, что дело обстоит наоборот, и монеты Хильдерика с изображением Юстина не являются свидетельством его подчинения Византии; как тогда, впрочем, иначе объяснить появление на монетах «суверенного государства» профиля чужеземного государя? Вопрос открыт.

²⁰ Прокопий пишет: «После того как у него умерла жена, от которой он не имел ни мужского, ни женского потомства, он, стремясь как можно надежнее укрепить свою власть, отправил послов к царю готв Теодориху, прося у него в жены сестру его Амалафриду, у которой незадолго перед этим умер муж. Теодорих послал ему и сестру, и тысячу знатных готв в качестве ее телохранителей, за которыми следовала еще и толпа их слуг в количестве примерно пяти тысяч боеспособных воинов. Кроме того, Теодорих подарил сестре один из трех мысов Сицилии, который называется Лилибеем; поэтому Тразамунд казался из всех правивших вандалами до этих пор вождей самым сильным и могущественным».

²¹ Часто встречающаяся информация о том, что войском командовал сам король или его племянник Оамер, совершенно

Корипп, «остатки разбитой армии вернулись восвояси и низложили своего короля, измотанного годами и боящегося [грядущей] катастрофы, и вручили скипетр жестокому тирану (Гелимеру)» (530 г.). Юстиниан, давно хищно приглядывавшийся к Вандальскому и Остготскому королевствам, как незаконно вообще существующим в природе на римских землях, немедленно воспользовался случаем выступить на защиту прав свергнутого союзника и родственника римских императоров.

Византийские писатели, как мы видим, Гелимера (ок. 480–553 гг., правил в 530–534 гг.) не жаловали – Корипп зовет его тираном, Прокопий пишет: «В военном деле он считался среди своих современников исключительно сведущим, но в остальном был человеком коварным, бессердечным и подлым, всегда готовым совершить переворот и воспользоваться чужими богатствами». Захватив власть, он заточил свергнутого короля, а также его племянников Оамера и Евагея, жену и дочерей, и повел откровенную антивизантийскую и антикатолическую политику. Юстиниан дипломатическим путем пытался выручить попавшего в беду союзника, но безуспешно: Прокопий приводит переписку Юстиниана с Гелимером. В первом письме базилевс писал: «Ты поступаешь безбожно и противно завещанию Гензериха, держа в заключении старика, твоего родственника и царя вандалов (в соответствии с волей Гензериха), силою захватив власть, хотя немного спустя ты смог бы получить ее по закону²². Не продолжай же дальше действовать преступно и не заменяй имени царя прозвищем тирана, которое ты получил из-за того, что не подождал короткое время. Но позволь ему, каждую минуту ожидающему смерти, сохранить видимость верховной власти, а сам действуй во всем, как подобает правителю, и только подожди, когда в ходе времени и в соответствии с законом Гензериха ты обрешь и наименование своей деятельности. Если ты поступишь так, то и от Всмогущего получишь милость, и от нас дружбу».

Интересное письмо, и как будто даже все в нем изложенное – совершенно справедливо, отчего и закрадывается сомнение в его аутентичности. Вот Ю.Кулаковский, например, пишет, что поначалу Гелимер послал к византийскому двору полагающееся извещение о своем вступлении на престол, а Юстиниан обошелся с послами грубо и выгнал их²³, и только потом пошла вся эта переписка (если она, добавим мы, вообще имела место и если Прокопий цитирует именно те самые письма, а не сочиненные им самим, как, к примеру, все историки, начиная с Фукидида, сочиняют речи царей и полководцев). Однако мы имеем лишь то, что имеем, и дальше предположений идти не можем за отсутствием иных данных. Далее Прокопий пишет: «Гелимер, ничего не исполнив, отпустил послов, Оамера велел ослепить, а Ильдериha и Евагея велел содержать в еще более строгом заключении, обвинив их в том, что они задумали бежать в Византий. Когда и об этом услышал базилевс Юстиниан, он отправил второе посольство с таким письмом: «Мы написали тебе первое письмо, не думая, что ты поступишь совершенно

неверна, ибо опровергается «Иоаннидой» Кориппа – вопрос подробно исследован нами в предыдущей работе по истории Северной Африки.

²² Юстиниан имеет в виду завещание Гензериха, согласно которому власть в государстве вандалов передается не от отца к сыну, а старшему во всем роду Гензериха; Гелимер был старшим в роду после своего дяди Хильдериха, поэтому, действительно, после смерти старика, которой он не смог дожидаться, стал бы законным королем. Впрочем, уже сын Гензериха Гонорих пытался путем убийств и ссылок своей родни сделать вандальское престолонаследие нисходящим.

²³ Видимо, известие об этом приводит Иоанн Малала в своей «Хронографии»: «Гелимер послал через своего посла дары базилевсу Юстиниану. Когда же о них было сообщено римскому базилевсу, он возмутился, вспомнив рекса (царя, от лат. гех. – *E.C.*) африканцев, так как знал о тирании, учиненной против Ильдериha. И отпустил послов со множеством оскорблений». Здесь же кратко повторим, что уже не раз писали в прежних работах: к варварским вождям, основывавшим государства на захваченных – преимущественно у Западной Римской и Восточной Римской (Византии) империй – территориях, принято применять слово «король» – даже и в исторической науке, правда, не совсем обоснованно, поскольку тогда этого слова просто не существовало (оно произошло от имени Карла Великого, жившего в VIII–IX вв.); однако, раз имелось явление, его надо как-то называть, и посему мы и используем ставшие уже традиционными термины «король», «королева», «королевство» и т. д. По-латыни короли-варвары именовались «рексами», но в устоявшемся русском переводе гех – царь, что тоже неуместно. Бывает, как видим в вышеприведенной цитате, что этот термин и не переводят, а так и пишут – «Рекс готов/вандалов» и т. д. Но «собачье» имя, пожалуй, позабавит читателя, поэтому в нашем труде обычно пишется все-таки «король».

обратно нашим советам. Если тебе хочется приобрести верховную власть так, как ты ее сейчас приобрел, получи с нею и то, что дает за это демон. Ты же пошли к нам Ильдериha, слепого Оамера и его брата, чтобы они получили утешение, какое могут иметь люди, лишенные власти или зрения. Мы не потерпим, если ты этого не сделаешь. Нами руководит надежда, возлагаемая ими на нашу дружбу. На преемника его власти мы пойдем не для того, чтобы воевать, но чтобы по возможности его наказать». Прочитав это письмо, Гелимер ответил следующими словами: «Царь Гелимер царю Юстиниану. Не насилем захватил я власть, и ничего безбожного по отношению к моим родственникам мною не совершено. Ильдериha, замыслившего совершить переворот против дома Гензериха, лишил власти вандальский народ; меня же призвало к власти время согласно закону о праве старшинства. Хорошо бы, чтобы каждый занимался управлением своей собственной страной и не брал на себя чужих забот. Так что и тебе, имеющему собственное царство, не пристало вмешиваться в чужие дела. Если ты хочешь нарушить договор и идти против нас, мы встретим вас всеми силами, какие только у нас есть, призывая в свидетели клятвы, данные Зеноном, а от него ты принял царство, которым теперь владеешь». Получив такое письмо, базилевс Юстиниан, и раньше полный гнева на Гелимера, теперь еще сильнее рассердился на него и решил его наказать».

Что ж, послание Гелимера точно указывает базилевсу на его место, да и вообще субъективно оно производит впечатление аутентичного документа. Как пишет известнейший французский византист Ш. Диль в труде, посвященном Юстиниану, который объективно не испытывает симпатии к последнему вандальскому королю, тем не менее отмечает, что «Гелимер, – быть может, единственный из всех варварских королей, понимавший, что, как бы ни были велики уступки, они только замедлят столкновение, но не устранят его, – решительно отказался удовлетворять требование и отвечал на притязания Византии усилением строгости к своим побежденным противникам» – в частности, перевел Хильдериha и его родню в новое, более суровое место заключения.

Денарий с изображением вандальского короля Гелимера

Нельзя сказать, чтобы идея базилевса о войне с вандалами была единодушно принята при дворе, как свидетельствует Прокопий: «Когда он объявил государственным мужам, что намерен собрать войско против вандалов и Гелимера, большинство их сразу отнеслись враждебно к этому плану и оплакивали его как несчастье; у них была свежа память о морском походе базилевса Льва и о поражении Василиска; они наизусть перечислили, сколько тогда погибло солдат, сколько денег потеряла казна. Особенно печалились и горевали полные забот эпарх двора, которого римляне называют претором, и управитель казначейства, равно и все другие, на которых был возложен сбор государственных или царских доходов, предвидя, что им придется доставить на военные расходы огромные суммы и что не будет для них ни снисхождения, ни отсрочек». Упомянутый здесь «эпарх двора» – всеильный финансист Юстиниана Иоанн Каппадокийский, одиознейшая личность Юстинианова правления (наряду с Трибонианом), на которого Прокопий не жалеет черной краски даже в своих официальных трудах (ну, это можно понять, учитывая позднейшую опалу Иоанна), не говоря уж о знаменитой «Тайной истории», где он прямо объяснил низвержение Иоанна императрицей Феодорой тем, что тот «в иных делах осмеливался идти против нее, и особенно же потому, что доносил на нее базилевсу, так что у нее чуть было не дошло до вражды с мужем». Впрочем, до того как он восстановил против себя Феодору, ему за его талант к добыванию денег все сходило с рук. Не в последнюю очередь народная ненависть к нему вызвала знаменитое восстание «Ника» 532 г.

Прокопий пишет в «Войне с вандалами»: «Эпарх двора Иоанн был очень скверным человеком и настолько способным изыскивать пути для пополнения казны за счет людей, что я никогда не смог бы достаточно подробно сие описать». Впрочем, в «Войне с персами» он сделал такую попытку: «Иоанн... не отличался ни ученостью, ни образованием. Он ничему не научился, посещая грамматиста, разве что писать письма, да и это делал из рук вон плохо. Но из всех известных мне людей он был самым одаренным от природы. Его отличала необычайная способность постигнуть необходимое и умение найти выход из самых затруднительных обстоятельств. Самый скверный из всех людей, он использовал свои способности исключительно на дурное. До него не доходило слово Божье, и не было у него человеческого стыда. Ради наживы он погубил жизни многих людей и разрушил целые города. Награбив за короткое время большие деньги, он предался не знающему границ пьянству. Грабя до полудня имущество подданных, остальное время он пил и предавался разврату. Он никогда не мог обуздать себя, ел до пресыщения и рвоты и всегда был готов воровать деньги, но еще более же был способен расточать их и тратить».

О том, как он нажился на воинах Велизария, посланных против вандалов, мы расскажем в своем месте, пока же он, как мог, отговаривал базилевса от его затеи, убеждая, что даже от победы ему не будет пользы, а в случае поражения – тем более. Но к чему власть, если ей нельзя злоупотреблять? Юстиниан довольно долго – 3 года – готовился к войне (ему нужно было сначала еще разобраться с персидскими делами), подстегнули которую два события: во-первых, восстание некоего Пуденция в Триполисе, который обратился за помощью к Юстиниану, обещая завоевать для него эту область, и сдержал слово, когда базилевс прислал ему небольшое войско под командованием Таттимута; во-вторых, Гелимер поручил оборону Сардинии и управление ей некоему своему рабу по имени Года. Тот, однако, скоро возомнил себя там самодержавным государем и решил более не отправлять вандалам дань, а за защитой обратился к тому же Юстиниану, лицемерно подчинившись, и тот решил отправить ему 400 воинов во главе с Кириллом (Ш. Диль вполне остроумно и резонно допускает, что не эти восстания подтолкнули Юстиниана к войне, но наоборот – Триполис и Сардиния восстали, видя неминуемое военное вмешательство базилевса: как говорится, вовремя предать – это не предать, а предвидеть). Итак, положение дел полностью благоприятствовало Юстиниану: с персами за золото был заключен «вечный мир» (532 г.), среди вандалов царили распри, их одолевали берберы, восстали Триполис и Сардиния; преследование вандалами-арианами господствующей церкви давало византийцам шанс опереться на романо-либийское единоверное себе население, и они не ошиблись; готы, мстя за убийство сородичей и королевы Амалафриды, однозначно и вместе с тем близоруко приняли сторону византийцев (не догадываясь, что после вандалов придет и их черед): королева Амаласунта (Амаласвинта, Амаласвента, дочь Теодориха; 495–535 гг., правила в 526–534 гг.) взяла на себя снабжение византийской армии зерном и предоставила Сицилию в качестве плацдарма для нападения на вандалов (наверняка рассчитывая при этом удержать уступленный отцом Лилибей, видимо, в то время «под шумок» занятый готами и на который претендовали византийцы, что явствует из упоминаемых Прокопием переписок Амаласунты с Велизарием (в «Войне с вандалами»), а также Амаласунты с Юстинианом по этому поводу (в «Войне с готами»). И вот на официальном уровне было провозглашено, что имперская задача – «отмщение обид и оскорблений, нанесенных церкви, и освобождение народа столь большой провинции от ярма рабства». Оставалось ее решить.

Глава 2

Разгром Вандальского королевства Велизарием

К июню 533 г. Юстиниан подготовил к переправе в Африку армию под командованием Велизария (ок. 505–565 гг., ранее, в очередную Персидскую войну, командовал отрядом войск), получившего грамоту, «которая давала ему право поступать, как он сочтет нужным, и все его действия получали такую же силу, как совершенные самим базилевсом. Таким образом, эта грамота давала ему права царской власти». Войско состояло из 10 000 пехотинцев и 6000 всадников (из последних 1000 – конные стрелки), преимущественно – варваров-федератов. Ими командовали Дорофей, стратег войск в Армении, и евнух domestik Соломон – «правая рука» Велизария, родом с Востока. Расходами армии ведал патрикий Архелай – бывший префект претория Иллирика (до 524 г.) и Востока (в 524–527 гг.); вполне резонно предположить, что он направлялся уже как заранее назначенный глава гражданского африканского правительства – и действительно, по завершении разгрома вандалов Архелай стал префектом претория Африки. Из иных командиров (в большинстве – уроженцев Фракии) известны Киприан, Валериан, Мартин, Алфия, Иоанн, Маркелл, Кирилл; конницей командовали Руфин, гунн Эган, Варват и Папп – брат Иоанна Троглиты; пехотой – Феодор, по прозвищу Ктеан, Терентий, Заид, Маркиан и Сарапис, начальником же этих пехотных командиров был Иоанн из Эпидамна²⁴. Конными герульскими стрелками (400) командовал Фара, конными гуннскими²⁵ (600) – Синний и Вала. С собой Велизарий вез жену Антонину – женщину, которая, по характеристике Прокопия, «была... сущим скорпионом»; став подругой и наперсницей императрицы Феодоры, в прошлом – циркачки-проститутки, она потеряла всякое чувство меры, чуя ее всесильное покровительство; «она никогда и ни в чем не ведала даже и малейшего стыда, а мужа, опутанного многими ее чарами, крепко держала в руках». Но о ее выходе в Карфагене – позже.

Переброску войска осуществляли 500 кораблей, обслуживаемые 30 000 моряков – египтян, ионийцев и киликийцев; также имелись 92 боевых дромона²⁶, на которых были 2000 человек, являвшихся одновременно и гребцами, и воинами, – этакий прообраз морской пехоты. Начальствовал флотом александриец Калоним. Пока вся эта армада собиралась, Гелимер совершил один из многих просчетов, оказавшихся в совокупности для него роковыми: решив не вмешиваться пока в дела Триполиса (якобы, по Прокопию, оттого, что византийцы уже помогали там Пуденцию и Гелимер до последнего тянул ввязаться с ними в открытый конфликт), вандальский король послал своего брата Цазона против Годы на Сардинию, выделив ему 120 быстроходных кораблей и 5000 вандалов, которых ему явно не хватит для борьбы с византийцами на своей территории.

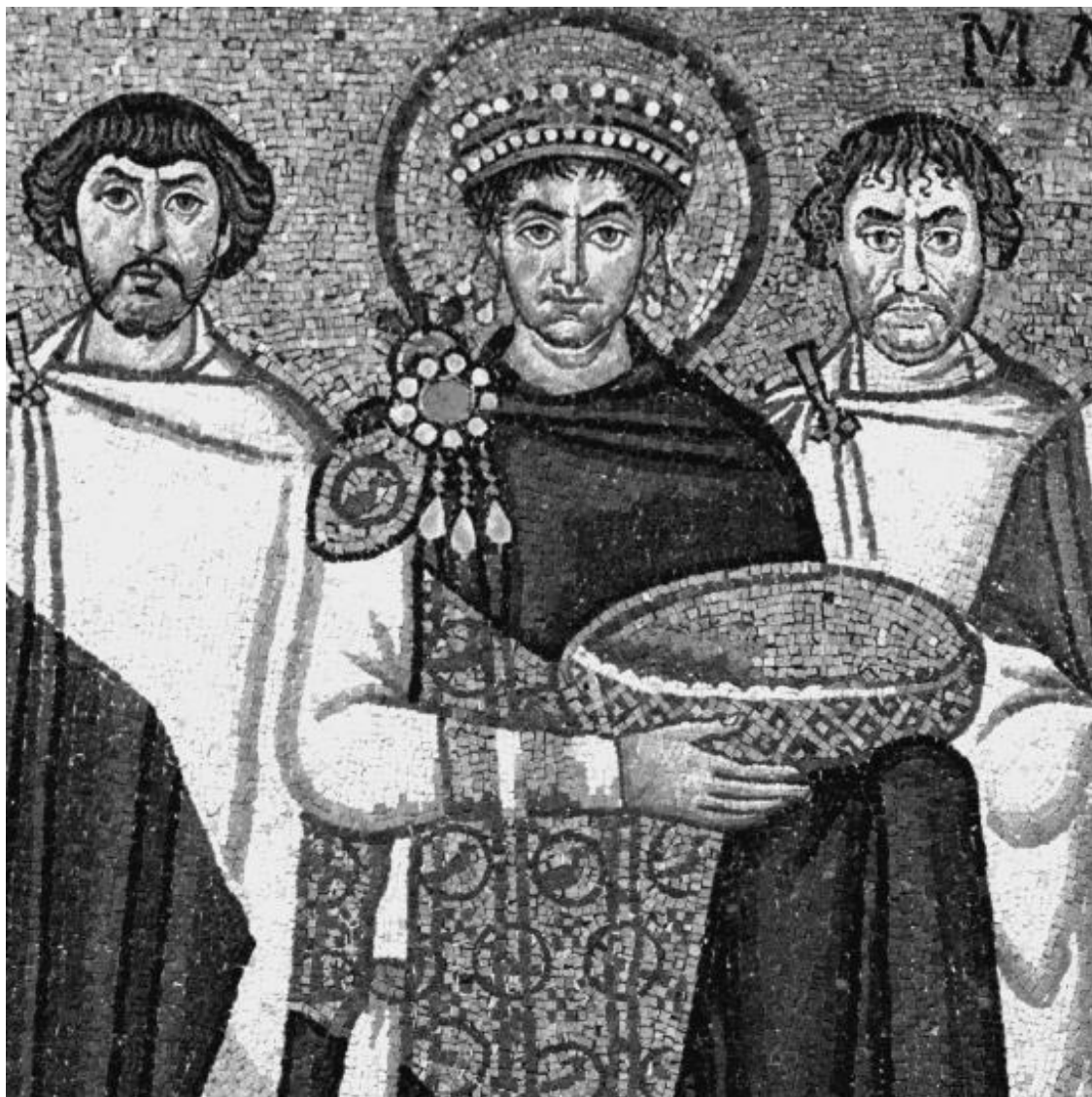
Флот Велизария, получив благословение патриарха Епифания, прибыл в Перинт на северном берегу Мраморного моря, где простоял 5 дней и погрузил коней, оттуда проследовал в Авидос на берегу Геллеспонта, где 4 дня ожидал ветра и где Велизарию пришлось столк-

²⁴ К сожалению, не представляется возможным точно установить, который из двух перечисленных Иоаннов – Троглита, позднее прославившийся подавлением восстания Анталы. Судя по своему «географическому» прозвищу, он мог происходить и с Сицилии и, что более вероятно, из Македонии.

²⁵ Прокопий называет гуннов массагетами.

²⁶ Византийский дромон того времени – практически та же быстроходная римская либуерна с тараном и одним или двумя рядами весел (иногда старые издания, повествуя о войнах Юстиниана, вместо «дромон» употребляют слово «крейсер» – жутко неуместный анахронизм, однако же четко и ясно представляющий тип судна быстрого и легкого, предназначенного и для боя, и для разведки); постепенно эволюционируя, дромон утратил таран, замененный его надводным аналогом – шпироном (потом отказались и от него), получил оборудование для метания «греческого огня» (VII в.), башни для катапульт; постепенно укрупняясь в размерах, стал нести две-три мачты с косыми («латинскими») парусами вместо обычных прямоугольных, окончательно перешел на два яруса весел; управление осуществлялось двумя большими кормовыми веслами; так, с веками переродившись из легкого «разведчика» в тяжелый артиллерийский корабль, дромон исчез около XII в.

нуться с ропотом своих гуннов на то, что он покарал двоих из них казнью на колу за убийство в пьяном виде сотоварища; потом флот двигался по маршруту Сигея (мыс на северо-востоке Малой Азии) – Малей (мыс на юго-востоке Пелопоннеса) – Тенар (мыс Пелопоннеса) – Мефон (город на Пелопоннесе), где к Велизарию присоединились отряды Валериана и Мартина (среди копьеносцев последнего был Стоца – герой и предводитель восстания византийских воинов в Африке, о котором мы будем много говорить впоследствии). Там войско задержалось ввиду безветрия и мора, возникшего по вине Иоанна Каппадокийского, о чем Прокопий повествует следующим образом: «Я расскажу, как он погубил солдат. Хлеб, которым приходится питаться солдатам во время лагерной жизни, необходимо два раза сажать в печь и тщательно пропекать, для того чтобы он сохранялся как можно дольше, а не портился в короткий срок; выпеченный таким образом хлеб, естественно, становился более легким по весу, и поэтому при раздаче хлебного пайка солдатам обычно сбрасывается четвертая часть установленного веса. Поразмыслив над тем, как бы, не сокращая веса хлеба, меньше тратить на дрова и меньше платить пекарям, Иоанн сделал следующее: он приказал хлеб, еще сырой, нести в общественные бани [носящие имя] Ахиллеса и положить на то место, где внизу горит огонь. И когда он становился похожим на печеный, он распорядился класть его в мешки и отправлять на корабли. После того как флот прибыл в Мефону, эти хлебы рассыпались и вновь обратились в муку, но уже не здоровую, а испортившуюся, загнившую и издававшую тяжелый запах. Заведовавшие этим раздавали этот хлеб солдатам не по весу, но выдавали хлебный паек мерками и медимнами. И вот солдаты, питаясь таким хлебом летом в местах с очень жарким климатом, заболели, и из них умерли не менее пятисот человек. Так случилось бы и с большим числом, но Велизарий запретил питаться этим хлебом и велел доставлять им местный хлеб. Он донес об этом базилевсу; сам он получил от базилевса одобрение за свое распоряжение, Иоанн же не потерпел никакого наказания».

Велизарий (предположительно), император Юстиниан, префект претория (предположительно). Мозаика базилики Сан-Витале, Равенна, Италия. Ок. 547 г.

Вполне естественно для деспотических государств, «крышующих» воровство своих министров и чиновников, умеющих вовремя делиться с царем-батюшкой. Далее византийцы через Закинф через 16 дней (по причине слабого ветра) прибыли в Сицилию, где Велизарий, опасаясь, что вандальский флот может поймать его в ловушку, отправил нашего историка, Прокопия, на разведку в Сиракузы (официально – для закупки продовольствия у готов по договору Юстиниана с Амаласунтой), и тот вызнал через слугу одного своего знакомого, который только что вернулся из Карфагена, что вандалы абсолютно беспечны, нападения не ждут, Карфаген и другие приморские города беззащитны, а лучший флот с отборным войском отправили на подчинение Сардинии. Ободренные этими вестями византийцы, потеряв от болезни Дорофея, через Мелит (Мальту) достигли африканского берега 31 августа 533 г., высадившись в Капут-Вада («Главе отмелей») в 100 км к югу от Гадрумета (при византийцах – Юстинианополь, ныне – Сус), в 5 днях пути от Карфагена (при этом Архелай предлагал плыть прямо на Карфаген и брать его «с налету», но Велизарий, доверяя более войску, нежели случайностям морской битвы, предпочел пеший марш, справедливо полагая, что и без того застанет противника врасплох).

Благодаря поэме Кориппа мы имеем явное представление о месте высадки Велизария, поскольку именно там позднее высадился для подавления восстания берберов Иоанн Троглит, ветеран вандалского похода Велизария (пер. с англ. – *Е.С.*): «Море, обрушиваясь на берег, не везде омывает Бизацену²⁷ волнами одинакового размера. Одна часть береговой линии, где более спокойные приливы, пологая, и там можно стать на якорь кораблям с закругленными обводами – там, где соленое мелководье образует довольно спокойную гавань. Южный ветер не имеет силы возмущать ее спокойные воды, не волнует ветер море. Другая же часть береговой линии страдает от ударов волн, с ревом бьющихся о камни. Утесы, покрытые темными водорослями, далеко отражают этот звук вод. Там с самых глубин вздымают море северный ветер и восточный, усиливаемый бурями. Швартовы обрываются силой моря, и несчастные корабли погибают, их доски лежат на жестоких берегах, и рядом с ними, среди водорослей, часто покоятся гниющие остовы судов. Вот почему моряки боятся и избегают опасностей этого места, предпочитая отмели более безопасных мест. На этом берегу римский флот некогда пристал, и на ливийский берег ступил Велизарий, пленивший затем Африканское царство. Из-за необычной природы этого региона моряки прошлых веков называли эту гавань Главою отмелей. Прибыв на это же место, великодушный полководец Иоанн, храбрый, как Велизарий, приказал спустить паруса. Воистину счастливым было то место, что предложило латинскому флоту безопасную и благоприятную якорную стоянку. Брошенные якоря надежно держали корабли у берега. Храбрый командующий узнал гавань и, возликовав, еще стоя на палубе корабля, указал на нее и обратился к своим товарищам с радостью в сердце: «Когда корабли тех, кому было суждено отомстить²⁸, достигли этой береговой равнины, именно на этот пляж я впервые ступил, уверенный в оружии моей юности, ибо я был одним из малых военачальников. Когда коварный Гелимер, тиран, правил этими ливийскими берегами, римские отряды сделали свои первые шаги по этому песку и здесь испили ливийских вод. В тот день армия, прибыв с [еще] не опробованным [в бою] оружием, вырыла окопы на этом побережье. Видите, там, рядом с морем, возвышается среди песков холм, овеваемый непостоянным южным ветром? Там, на этой высоте, командующий Велизарий воздвиг свой шатер и знамена, и его полководцы и трибуны окружали его. И я, в сопровождении моего благословенного брата, разбил палатку на этом месте. Увы, какой тяжелый, враждебный людям жребий дала нам судьба! Преданные братья, сколько ваших радостей сгубила жестокая смерть, внезапно подкравшись! Когда я вспоминаю о доблести, проявленной моим братом в его гневе, когда он рубил врага, о мудрости, с которой этот доблестный вождь контролировал наших союзников, я понимаю, какого великого человека оплакало наше содружество! Но не Фортуна войны похитила моего брата, ибо он постоянно возвращался победоносным из своих предприятий против нашего жестокого врага. Увы, жестокая смерть, ты одолеваешь даже лучших. Ты, Папп, был образом моего отца и моего сына; одно мне утешение, соразмерное со столь великим горем, что осознание твоей победы позволяет тебе с презрением смотреть на воды Стикса. Да, эти места напоминают мне о моем благословенном брате и заставляют меня лить слезы. Какие кампании завершил он в те годы! Да дарует мне Сам Бог большой успех, и пусть это место, по Божьему благословию, окажется еще более удачным, нежели в тот год! И даже сейчас, в решающий момент нашей кампании, укрепления этого места кажутся незаконченными и не обеспечивающими безопасность. Если победа осенит мои знамена в этой войне, я завершу укрепление этого места, начатого ранее, каменной кладкой».

Гелимер тем временем отдыхал в имении Гермiona в Бизацене, в 4 днях пути от моря, и действительно, вражеские войска беспрепятственно высадились и за единый день выстроили

²⁷ Название позднеимперской провинции в центральной части Северной Африки, отделенной от так называемой Проконсульской Африки; грубо говоря, современный Тунис.

²⁸ Вандалам за захват Римской Африки.

лагерь; ночь провели на страже, на каждом судне оставались по 5 стрелков, дромоны защищали флот от атак с моря; на следующий день Велизарий примерно наказал нескольких воинов, промышливших по окрестностям у жителей плоды, категорически запретив обижать местных жителей – и действительно, эта наглядная пропаганда возымела на романо-ливийцев действие (на какое-то время), они с радостью принимали византийцев, как освободителей, снабжали припасами и сдавали не защищенные стенами города, например, Силлект (как помнит читатель, все они, кроме карфагенских, были скрыты по приказу Гензериха). Велизарий отправил вандалам воззвание, в котором призвал их вместе бороться с тираном, и пошел в поход: выслал вперед отряд армянина Иоанна, казначея Велизариева дома, с 300 щитоносцев; справа войско прикрывало море, слева – конные гунны; флот двигался параллельно. Сам Велизарий, опасаясь нанесения Гелимером удара сзади, находился в тылу своего войска. В день оно преодолеvalo 80 стадиев (14 км – относительная медлительность его продвижения: обычно византийское войско передвигалось почти в три раза быстрее, покрывая 210 стадиев за дневной переход, обуславливалась жарой) и последовательно миновало без боев Силлект, Лепту (Лептис Малый) и Гадрумет, ночуя то в городах, то в лагерях, и, наконец, достигло Грассы²⁹, на расстоянии 350 стадиев (65 км) от Карфагена. Там был роскошный дворец короля вандалов с садами, где византийское войско душевно отдохнуло.

Что же Гелимер? Первым делом он послал своему брату Аммате приказ в Карфаген – истребить Хильдерика с его родом, что и было исполнено (Оамер ранее умер в заточении), и затем быть готовым со своими воинами и карфагенянами встретить византийцев, сам же он повел своих воинов во вражеский тыл, намереваясь зажать противника под пригородом Карфагена Децимом (в 70 стадиях от столицы, т. е. в 13 км) и уничтожить. Наличные силы вандалов принято исчислять в 30 000 бойцов, далеко не лучших. Г.-И. Диснер пишет о вандальском войске так: «Для вандальских методов ведения войны был характерен исключительный упор на конный бой, что следует возводить еще к традициям силезского и венгерского периодов³⁰. Представление о вандальском коневодстве дают многие письменные источники, но прежде всего обнаруженная под Карфагеном (Бордж Джедид) мозаика, на которой изображен хотя и не вооруженный, но определенно вандальский всадник в куртке и узких штанах, несомненно принадлежащий к служилой знати. Вооружение воинов состояло из копий и мечей, но иногда сражались и дротиками или луком и стрелами. Это “распространение” кавалерийских возможностей на “бой на расстоянии” было, пожалуй, неизбежным, тем более что практически полностью отсутствовали собственно пехотные формирования и, кроме того, оборонительные сооружения и осадные орудия»³¹.

²⁹ По предположению Сьюзен Рэйвен, это нынешний Хаммамет.

³⁰ Немецкий автор имеет в виду постепенную миграцию вандалов, стартовавшую из Южной Скандинавии и шедшую от века в век через германские и паннонские земли в Галлию и Испанию, из которой вандалы и прибыли в Северную Африку.

³¹ Эту же слабость своих врагов подметили берберы, нанесшие им серьезное поражение в правление Тразамунда. Проконский так описывает тактику ливийских кочевников, успешно использованную ими сначала против вандалов, а потом, как убедится читатель этой книги, и против византийцев. Напомним: «Каваон приготовился к нападению (вандалов) следующим образом: очертив в поле круг, где он собирался возвести вал с палисадом, он в качестве укрепления поставил по кругу наискось верблюдов, сделав глубину фронта приблизительно в двенадцать верблюдов. Детей, женщин и всех, кто был небоеспособен, вместе с ценностями он поместил в середине, а всему боеспособному люду он приказал находиться между ногами животных, прикрывшись щитами. При виде этой фаланги маврусии вандалы оказались в недоумении, не зная, что им предпринять в данном случае: они не могли точно метать ни дротики, ни стрелы, не умели они идти в бой пешим строем, но были лишь всадниками, в бою пользовались копьями и мечами и потому были не в состоянии нанести врагам урон издалека, а их кони, приходя в волнение от вида верблюдов, никак не шли против врагов. Маврусии же, находившиеся в безопасном положении, посылали против них тучи стрел и дротиков, без труда убивая их коней и их самих, и, так как их было великое множество и шли они густой толпой, вандалы обратились в бегство. Маврусии их преследовали и многих убили, а некоторых взяли в плен; очень немного от этого войска вандалов вернулось домой. Вот какое поражение пришлось испытать Тразамунду от маврусией». Пусть читатель обратит внимание на то, что Проконский свидетельствует против тезиса Диснера о дротиках и стрелах (Диснер хотя и «корифей вандаловедения», однако в изложении истории вандальского флота, например, допускает непростительные ошибки и вольности, как было доказано в нашем предшествующем труде по античной истории Северной

Задним числом многие (например, Ш. Диль) любят упрекать короля, что вместо партизанской войны он сделал ставку на два генеральных сражения, которые и проиграл, однако некоторые (например, Жюльен) видят и положительное зерно в стратегическом замысле Гелимера под Децимом, который провалился по не зависящим (или не совсем зависящим) от него обстоятельствам. Короче говоря, он намеревался атаковать врага с трех сторон, однако разноречивыми действиями привел к тому, что три части его войска были разбиты порознь. Во-первых, столкновение его разведчиков с византийскими при Грассе открыло Велизария его приближение. Византиец отправил Архелая с флотом к Карфагену, приказав не приближаться к нему ближе, чем на 200 стадиев (флот даже ушел из пределов видимости, ибо должен был обогнуть мыс Гермеса), на четвертый день византийцы прибыли к Дециму. Гелимер приказал своему племяннику³² Гибаунду выйти на левый фланг византийского войска, чтобы полностью его окружить: Аммата атаковал бы спереди, Гелимер – сзади, а Гибаунд – сбоку – и опрокинуть врага в море. Прокопий справедливо отмечает, что, не будь авангарда Иоанна и гуннов на фланге, все войско было бы совершенно уничтожено, но роковую для вандалов роль сыграло то, что Аммата появился на четверть дня ранее нужного Гелимеру времени, и кроме того – с малым отрядом, так как не привел все наличные силы сразу, оставив большую часть вандалов в Карфагене с приказом постепенно подтягиваться к Дециму (впрочем, Жюльен объясняет это иначе и, как кажется, более убедительно – что Аммата просто с малым числом всадников отправился вперед на разведку и элементарно «нарвался» на византийский авангард, в бою с которым и погиб); в итоге Иоанн разбил Аммату – Прокопий сообщает, что брат короля «убил двенадцать храбрейших воинов, сражавшихся в первых рядах, но пал и сам, проявив себя в этом деле как прекрасный воин», но совершенно никудышный полководец. Более того – остатки его отряда направились в Карфаген и, встречая кучки подходивших оттуда к полю боя вандалов, и их обращали в бегство вместе с собой, так что «Иоанн и его люди, убивая всех, кто им попадался, достигли самых ворот Карфагена. Избиение вандалов на этих семидесяти стадиях было таково, что, увидев количество трупов, можно было бы подумать, что число их врагов доходило до двадцати тысяч человек». Акт второй: Гибаунд со своим отрядом наткнулся на гуннов на безлюдной и безводной солончаковой равнине Галон в 40 стадиях от Децима, где те без особого труда всех перебили, несмотря на неравенство сил – 2000 вандалов против 600 гуннов (Прокопий приводит слова одного из видных гуннских вождей: «Бог послал им этих иноплеменников, как готовое праздничное угощение»). Надо полагать, учитывая высочайший уровень гуннов как конных лучников, что они просто перестреляли вандалов, даже не допустив их до рукопашной схватки, а потом изрубили обратившихся в бегство. Акт третий: в 7 стадиях от Децима сошлись основные силы, путем не ведая о произошедшем ранее; Велизарий решил не рисковать целым войском и выделил авангард из варваров-федератов, которые понесли поражение от вандалов, занявших выгодную стратегическую позицию на холме, и заодно вовлекли в бегство и отряд Велизариевых щитоносцев из 800 человек под командой Улиариса. Далее Прокопий утверждает, что Гелимер сам отдал победу врагам – он мог бы и Велизария разбить, и последовать потом за Иоанном и зажать его под стенами Карфагена и также разбить, а потом и флот уничтожить, но, увидев труп брата, король «предался плачу и стенаниям; занявшись его погребением, он упустил столь благоприятный для него момент, вернуть который он уже никак не смог». Велизарий, напротив, остановив своих бегущих и затем узнав о двух уже одержанных победах, пошел в наступление на врага и учинил бойню, так что немногие спаслись, устремившись на равнину Буллы по дороге, ведущей в Нумидию,

Африки). Впрочем, здесь немецкий автор не так уж неправ, и это видно по рассказу того же Прокопия о решающей битве вандалов с византийцами при Трикамаре: в ней Гелимер запретил своим воинам использовать копья «и другое метательное оружие», полагаясь только на мечи; вывода два: стрелы и дротики у вандалов уже имелись, но пользоваться ими нормально они, по ходу дела, так и не научились... Так что истина где-то посередине.

³² Иногда его называют двоюродным братом.

предоставив и Карфаген, и всю Бизацену их судьбе. Карфагеняне открыли ворота и сняли цепи в гавани, чтобы вошел флот базилевса, из тюрем были освобождены приговоренные Гелимером к казни восточные купцы, вандалы попрятались в храмах, ища спасения, но осторожный Велизарий, подозревая западню и вместе с тем опасаясь, что его воины учинят грабеж под покровом темноты, на ночь глядя в город не пошел. Всю ночь ликовавший Карфаген светился факелами и лампами (у карфагенян был престольный праздник – день священномученика епископа Киприана), и наутро, 15 сентября 533 г., византийские армия и флот торжественно вошли в Карфаген, причем полководец вновь дал строгий наказ не обижать жителей и велел за все продукты расплачиваться наличными, заодно расследовав небольшой грабеж купцов, учиненный моряками флотоводца Калонима (хотя тот награбленное так и не выдал). Велизарий занял трон Гелимера и устроил в его дворце знатный пир. Укрывшимися в храмах вандалам была дарована жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.